Философия и логика
Philosophy and logic

Г.В. КАРПОВ

Прощение как речевой акт в логике действий*

Глеб Викторович Карпов

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.

E-mail: glebsight@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию прощения как речевого акта и как действия, ассоциированного со сложной структурой принятия решения. В первой части статьи мы делаем ряд критических замечаний в отношении методологии так наз. перформативных подходов к прощению. Мы приходим к заключению, что теория речевых актов в действительности не использовалась авторами «перформативных» подходов, и все ссылки на нее носят лишь номинальный характер. Мы устраняем методологические недочеты двух перформативных подходов к прощению, комиссивного и директивного, используя для этого логический аппарат, в основе которого лежат семантические идеи логики действий Белнапа. Нам удастся опровергнуть заявления ряда авторов, занятых исследованием прощения, о том, что возможен синтетический подход к данному феномену, объединяющий комиссивную и декларативную интерпретации высказывания «Я тебя прощаю».

Во второй, конструктивной, части статьи мы исследуем возможности классической логики действий, которые та предоставляет для того, чтобы указать на отличие случаев отказа прощать от случаев уклонения от прощения. Мы показываем, что удовлетворительно этот вопрос может быть разрешен средствами логики действия через привлечение специально устроенных языка, модельной структуры и синтаксических определений, обеспечивающих фиксацию двухуровневой структуры принятия решения о прощении, которой пользуется агент-жертва. Мы высказываем предположение, что описанная нами форма принятия решений может быть ассоциирована не только с прощением (в чем мы видим пользу для отрасли философского знания, занятой этим феноменом), но и с другими, подобными ему действиями (в чем мы усматриваем пользу для логики действий в ее прикладном, и, возможно, теоретическом аспектах). Предложенная нами идея агентных доменов, кроме того, применима в общей логике действия при анализе проблем, аналогичных проблеме различения случаев отказа и уклонения.

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора». Я благодарен анонимным рецензентам за внимательное отношение к тексту статьи и ряд замечаний. Их проработка сказалась положительным образом на изложении и, кроме того, обратила мое внимание на новые логические сюжеты, непосредственно соприкасающиеся с темой прощения.

Ключевые слова: иллокутивная сила, агент, принятие решения, уклонение, действие, структура действия

Для цитирования: Карпов Г.В. Прощение как речевой акт в логике действий // Логические исследования / Logical Investigations. 2020. Т. 26. № 2. С. 9–38. DOI: 10.21146/2074-1472-2020-26-2-9-38

1. Подходы к прощению в рамках теории речевых актов

Среди ответов, которые дают философы на вопрос о том, что делает агент, когда произносит предложение «Я тебя прощаю», распространены следующие: она или он сообщает о своем текущем эмоциональном состоянии; дает обещание вести себя определенным образом со своими обидчицей или обидчиком; отпускает обидчице или обидчику некий долг. Порядок в это множество ответов вносит теория речевых актов Джона Остина. Тогда исходный вопрос трансформируется в вопрос об иллокутивной силе речевого акта, выраженного локуцией «Я тебя прощаю». Такая его постановка дает гарантии того, что ответ обязательно будет найден, так как теория речевых актов претендует на то, что она описывает и истолковывает *все* возможные способы говорить, все виды речевого взаимодействия. Кроме этого, вопрос, сформулированный таким образом, предлагает исследователям некоторый метод; их работа больше не сводится к простой фиксации интуиций на тему того, что же такое прощение, так как теперь выяснение философского содержания этого явления, происходит посредством перечисления отличительных свойств типов речевых актов, с которыми прощение предлагается если не отождествлять, то ассоциировать.

В своей работе «Как производить действия при помощи слов» [Остин, 1999], среди прочих способов использования языка, Остин отмечает **бехабитивы** — речевые действия, с помощью которых агенты выражают отношение к поведению друг друга: одобряют его или, например, высказывают в связи с ним свое возмущение. Предложение «Я тебя прощаю», истолкованное как **бехабитив**, означает, что его автор (в работах, посвященных прощению, — так наз. «жертва») сообщает обидчице или обидчику то, что он или она больше не испытывает того гнева, в связи с нанесенной обидой, который в нем или в ней следовало бы ожидать. Уточняя эту интерпретацию, впервые предложенную Joram Haber [Haber, 1991], Glen Pettigrove пишет, что содержание отношения жертвы к обидчице или к обидчику и ко всей ситуации в целом, переданное бехабитивом «Я тебя прощаю», может быть дано в следующих предложениях: говорящий убежден в том, что ему или ей действительно была нанесена обида адресатом сообщения о прощении; говорящий демонстрирует отсутствие намерения платить обидчику

тем же и свидетельствует о том, что теперь обидчику или обидчице следует рассчитывать на некоторую степень расположения, положительного отношения к ней или к нему со стороны жертвы [Pettigrove, 2004, p. 379].

В соответствии с **комиссивным** подходом к прощению сказать «Я тебя прощаю» — означает совершить комиссивный речевой акт, т. е., например, обещать обидчице или обидчику, что в будущем отношения, разрушенные ее или его словами или поступками, снова станут такими как прежде. Pettigrove указывает на то, что предложение «Я тебя прощаю», интерпретируемое как обещание, служит гарантией, во-первых, того, что жертва не будет платить за обиду тем же, и, во-вторых, того, что он или она готовы проявлять благожелательность по отношению к обидчице или обидчику. Развитие комиссивного подхода, заключающееся в описании содержания накладываемых подобным обещанием обязательств, предложено в [Warmke, 2016]. Здесь, в частности, отмечается, что жертва, осуществляя комиссивный речевой акт, берет на себя обязательства, запрещающие ему или ей порицать обидчицу или обидчика за те действия, которые привели к обиде.

В локуции «Я тебя прощаю» **декларативный** подход предлагает видеть действие, аналогичное действию помилования в судебной системе, отказу от взыскания долга в сфере финансовых отношений или отпущению грехов. Осуществить прощение-декларатив — значит сделать так, что высказывание, составляющее его пропозициональное содержание, будет считаться истинным именно потому, что была осуществлена соответствующая локуция. Подобно тому как посредством произнесения локуции «Объявляю собрание открытым», собрание действительно открывается и начинает свою работу, посредством локуции «Я тебя прощаю» обидчице или обидчику даруется прощение, и она или он, в тот же самый момент в глазах своей жертвы, становятся теми, кем они были до того, как обида была нанесена.

Таким образом, если бежабитивный подход видит в соответствующей локуции рапорт об изменении эмоционального и когнитивного состояния жертвы, а комиссивный подход отождествляет ее произнесение с действием, создающим те или иные обязательства, которые должны быть исполнены в будущем и жертвой, и обидчицей (обидчиком), то декларативный подход интерпретирует локуцию «Я тебя прощаю» как поступок аналогичный амнистии или разорванной и утратившей из-за этого силу долговой расписке, а ситуацию ее использования — как такую, когда сказать и сделать — одно.

Первоначальный исследовательский интерес к прощению вызван неоднозначностью отношения указанных подходов друг к другу. Конкурируют ли они? Или, напротив, каждый из указанных подходов затрагивает

какое-то одно, наиболее существенное свойство прощения, и, будучи объединенными в рамках некой синтетической теории прощения, они вместе дадут согласные и как можно более полное описание и интерпретацию этого феномена? Научная литература, как и следовало ожидать, дает разные ответы на эти вопросы.

Так, Pettigrove настаивает на комбинированном подходе к прощению, составленном из комиссивной и бехабитивной интерпретации соответствующей локуции, в то время как декларативный подход, уделяющий излишнее внимание обидчику и недостаточно полно анализирующий поведение жертвы и автора локуции-прощения, видится ему наименее приемлемым из всех (см. раздел «The Forgiveness for which We Hope», [Pettigrove, 2004, p. 388] и далее).

Warmke, напротив, разрабатывает синтетический подход, объединяющий комиссивный и декларативный подходы (см. [Warmke, 2016, p. 701]), причем основная аналитическая работа осуществляется им в рамках последнего: именно в его терминах описываются и истолковываются изменения норм и обязательств, связывающих жертву и обидчика или обидчика, что представляется этому исследователю наиболее важным элементом прощения.

Первый вопрос, на который мы даем ответ в этой статье, это вопрос о том, в каких отношениях находятся между собой два из указанных подходов, комиссивный и декларативный: следует ли рассматривать их как конкурирующие или же они могут дополнять друг друга? Обсуждению этого вопроса предшествует краткое критическое исследование рассматриваемых подходов с точки зрения той методологии, которую они используют. В этом обсуждении мы попытаемся определить действительно ли эти подходы возникают как следствие приложения теории речевых актов к прощению. Этим темам отведена первая, критическая, часть статьи, ее параграфы 2 и 3. Во второй, конструктивной, части мы обращаем внимание на структуру принятия агентом решения о прощении, когда отсутствие действия, ассоциированного с прощением, может пониматься и как отказ жертвы прощать, и как ее уклонение от того, чтобы простить обидчика. В связи с этим феноменом мы даем ответ на два вопроса, касающихся способов интерпретации указанного отличия средствами логики действий. Во-первых, в параграфе 4 мы показываем способ, при помощи которого удастся различить отказ и уклонение от прощения средствами классической логики действия белнаповского типа (*STIT*-логики). Во-вторых, в параграфе 5 мы отвечаем на вопрос о том, какие еще есть инструменты в распоряжении логики действия для интерпретации разных действий, оканчивающихся одним и тем же результатом, и предлагаем один из таких инструментов,

благодаря которому прощение интерпретируется как процесс, заключающийся в принятии жертвой нескольких упорядоченных специальным образом, разноуровневых решений о возможных действиях в отношении обидчицы или обидчика. Выводы и дополнительные замечания к обсуждаемым проблемам и формализмам, которые мы использовали для их анализа и решения, мы приводим в заключительном параграфе 6.

2. Прощение и теория речевых актов: приложение или простое описание в терминах?

Если бы теория речевых актов действительно служила инструментом, с помощью которого ищется ответ на вопрос о том, что такое прощение, то такой поиск выглядел бы иначе, чем это имеет место у Haber или Pettigrove. В этом случае естественным было бы, например, такое рассуждение: допуская, что локуция «Я тебя прощаю» осуществляется с иллокутивной силой комиссивного типа, будем считать, что в этом случае форма речевого акта, выражающего прощение, подобна форме комиссивных иллокутивных актов, к числу которых принадлежит, в частности, и обещание. Дальше рассуждение, в рамках приложения теории речевых актов к прощению, могло бы продвигаться двояким путем: или через сопоставление отличительных характеристик комиссивной иллокутивной силы (а не обещания, т. е. конкретного иллокутивного акта, относящегося к типу комиссивов) с феноменологическим описанием действительных практик прощения и обнаружение первого во втором; или через выявление разнообразных феноменов прощения средствами «лингвистической феноменологии» в манере Остина, где сказать «Я тебя прощаю» значит в каком-то смысле пообещать, или связать себя обязательством, или поручиться, или торжественно заявить, или заречься, или помириться, или посчитать заслуживающим доверия или подходящим, или соглашаться на определенные условия и так далее.

Однако приверженцы рассматриваемых подходов склонны использовать теорию речевых актов как не органон, а, опираясь на философию сознания, культурную антропологию или теорию эмоций, скорее как набор терминов, с помощью которых удобно описывать обнаруженные средствами указанных отраслей философского знания свойства прощения. В связи с этим небезынтересно указать на то, что прием, к которому прибегает в своем исследовании прощения, например, Downie, напоминает, как бы мы сегодня сказали, применение принципа кооперации Пола Грайса и поиск с его помощью коммуникативных имплицатур предложения «Я тебя прощаю», см. [Downie, 1965]. Используя триаду теории Остина (локуция — иллокуция — перлокуция), можно утверждать, что здесь, как и в указанных подходах вообще, основным предметом интереса становится

не иллокутивный, а перлокутивный акт, не коммуникативная, а прагматическая характеристика соответствующих высказываний.

Следовательно, перед нами не приложение инструмента к некоторой неизвестной области, когда мы не знаем, что такое прощение, но надеемся узнать, сопоставив соответствующим предложениям, в которых оно выражается, формы или структуры, составляющие содержание теории речевых актов (и в том виде, и с теми ограничениями, с которыми они в этой теории представлены), а в большей степени подгонка совокупности высказываний о прощении, полученных другими средствами и из других источников, под терминологический аппарат этой теории.

Если согласиться с тем, что теория речевых актов все же используется как инструмент хотя бы эпизодически, то здесь мы обнаружим своего рода забвение чрезвычайно важного разделения иллокутивного акта на иллокутивную силу и пропозициональное содержание, которое соблюдается неукоснительно, например, Джоном Серлом, но которое периодически «проваливается» в работах основателя теории Остина. Причем нельзя утверждать, что этот факт ускользнул от внимания тех, кто внес существенный вклад в разработку соответствующих подходов к прощению, основав их, тем не менее, именно на работах Остина, а не Серла или Даниэля Вандервекена, которые предложили теоретико-множественную трактовку для основных понятий теории и, кроме того, сформулировали и обосновали для них ряд логических законов.

Так Pettigrove выражает свою обеспокоенность корректностью построения бегахитивного подхода в связи с тем, что соответствующий тип иллокутивных актов определяется Остином «скорее с точки зрения их пропозиционального содержания, а не с точки зрения их иллокутивной силы». Это, однако, не мешает ему пользоваться теорией речевых актов в редакции Остина, ссылаясь на то, что так поступал Habermas, «внесший наиболее существенный вклад в исследование иллокутивных сил прощения», см. [Pettigrove, 2004, p. 388].

На основании сказанного мы заключаем, что для того, чтобы внести ясность в вопрос о соотношении подходов к прощению, использующих элементы теории речевых актов, нужно рассуждать так, как если бы их авторы не игнорировали различие иллокутивной силы и пропозиционального содержания. Для того чтобы это сделать, мы намереваемся привлечь к исследованию указанного вопроса формально-логические средства, с помощью которых будет нетрудно фиксировать структуру иллокутивного акта. Инструмент, который мы опишем в параграфе 2, имеет своим основанием формальные исследования речевых актов середины и конца 90-х годов прошлого века; прежде всего они представлены в работе [Searle, Vanderveken,

1985] и, затем, в двухтомнике [Vanderveken, 1990; Vanderveken, 1991]. Так как эти формально-логические штудии речевых актов, в свою очередь, опирались не на оригинальную концепцию Остина, а на теорию Серла, из которой были исключены речевые акты бехабитивного типа, мы также будем следовать этой более поздней и лучшим образом обоснованной классификации типов речевых актов. Из трех упомянутых нами подходов к прощению нас, таким образом, будут интересовать преимущественно два последних. (Бехабитивный подход в силу того, что он касается динамики психологических состояний говорящего, требует, очевидно, несколько иного инструментария, чем тот, который имеется в нашем распоряжении.)

Еще один источник формальных построений, данных в параграфе 2, с помощью которых мы постараемся внести ясность в вопрос о соотношении указанных подходов к прощению, их главный логической двигатель, — логика действий в редакции Н. Белнапа, известная под названием *STIT*-логики. Читатель, знакомый лишь с оригинальными работами Белнапа конца 90-х годов или с монографией Джона Хорти [Horty, 2001] по деонтической логике, где *STIT*-логика широко применяется как средство разрешения философских затруднений, не обнаружит в аппарате, используемом нами, обычных определений для операторов действий *astit*-, *dstit*- и других. Так как предмет нашего интереса, и в особенности это касается первой части статьи, где мы рассматриваем в критическом ключе «перформативные» подходы, заключается в изучении логических свойств действий особого рода, речевых действий, в параграфе 3 мы вводим специальные операторы действия, сообразно с видами речевых актов, в которых воплощается, в свете соответствующих подходов, локуция «Я тебя прощаю»¹. В параграфе 4 и, в особенности, в параграфе 5, для того, чтобы интерпретировать формулы, описывающие структуру принятия решения агентом-жертвой о прощении своих обидчицы или обидчика, мы снова используем модельные структуры и модели, созданные под влиянием логики действий Белнапа, хотя и не воплощающие его идеи в неизменном виде.

Однако и в основании классических операторов действий, и в основании операторов речевых действий, которые предлагаем мы, лежит одна и та же семантическая идея. В соответствии с ней действие ассоциируется с переходом из данного множества описаний положений дел в множество, отличное от данного. Действие — это транзит, который осуществляет агент, разбивая множество возможных миров на подмножества тех миров, что

¹Мы используем современную нотацию для операторов действия, когда букве, указывающей тип оператора, отводится место верхнего индекса за квадратными скобками. Например, сегодня вместо $[\alpha \text{ astit} : \phi]$ принято писать $[\alpha]^a \phi$, а вместо $[\alpha \text{ dstit} : \phi]$ — $[\alpha]^d \phi$ и т. п.; или, если тип агентного оператора не имеет значения, — просто $[\alpha] \phi$.

ему доступны, и тех, доступ к которым он, в результате этого разбиения, теряет.

Семантики, более удобные в обращении, чем предложенная Белнапом семантика ветвящегося времени, и главное, обещающие синтез логики действий и других модальных логик (прежде всего — семейства динамических логик) — упрощенная семантика, где отношение частичного порядка используется лишь номинально для достижения единообразных определений видов агентных операторов, и семантика для действий, основанная на структурах Крипке — используются нами в параграфах 4 и 5 как главное формальное воплощение этой идеи транзита².

Другое отличие, отдаляющее наши построения от классических для логики действий построений (но не от семантических и философских оснований всего направления), заключается в том, что мы ассоциируем действие не только с его результатом, но и со способом достижения этого результата. Действие — это не просто переход на множестве возможных миров, а переход, который осуществляется всегда определенным образом. Подобная дополнительная трактовка действия позволит нам, как это будет видно уже в конструктивной части статьи на примере уклонения от прощения и отказа прощать, отличать друг от друга действия, оканчивающиеся одним и тем же результатом. В этом случае, с формально-логической точки зрения, мы описываем действие как маркированный специальным образом переход на структуре, образованной множеством возможных миров и определенных типов отношений между ними.

3. Комиссивный и декларативный подходы, данные средствами логики действий $\mathcal{L}_{ill}$

Для того чтобы выяснить соотношение комиссивного и декларативного подходов к прощению, так, как если бы они эксплуатировали корректным образом фундаментальное для всей теории речевых актов различие сил и содержания, мы задействуем модифицированную пропозициональную динамическую логику (речевых) действий ($\mathcal{L}_{ill}$ ³), основанную на семантических идеях *STIT*-логики, классической логики действий белнаповского

²О скрещении *STIT*-логики и динамической логики см. [Benthem, Pacuit 2014]; обзор доступных на сегодняшний день семантик для логики действий белнаповского типа см. в [Troquard, 2016].

³В данном случае мы игнорируем различие между терминами «иллокутивный» и «речевой» акт, имеющее отношение здесь в большей степени не столько к форме или, на современный манер, — структуре описываемых языковых и коммуникативных явлений, сколько к вопросам истории и генезиса соответствующей теории: исследовательский проект типов речевых актов был заменен самим Остином в его поздних работах проектом исследования иллокутивных сил.

духа, но позволяющую при этом ссылаться на действие как на процесс, протекающий определенным образом.

Определение правильно построенного выражения языка логики действий $\mathcal{L}_{ill}$, где Φ есть множество пропозициональных переменных, а Γ есть множество агентов, задается следующим образом:

Определение 1. $\phi ::= p \mid \neg\phi \mid \phi \wedge \psi \mid [\alpha]^{com}\phi \mid [\alpha]^{dec}\phi$, где $p \in \Phi$, а $\alpha \in \Gamma$.

Мы вводим агентные формулы $[\alpha]^{com}\phi$ и $[\alpha]^{dec}\phi$ для того, чтобы иметь возможность формулировать в предметном языке осмысленные предложения об иллокутивных актах комиссивного и декларативного типов. Так мы надеемся выяснить соотношение «перформативных» подходов к прощению. Первая из двух указанных формул обозначает иллокутивный акт комиссивного типа, а вторая — иллокутивный акт декларативного типа.

Определение 2. Модельная структура $\mathcal{F}$ есть набор элементов $\langle \mathcal{W}, \sim \rangle$, где $\sim$ есть антисимметричное, транзитивное и нерефлексивное отношение на $\mathcal{W}$.

Антисимметричность и транзитивность $\sim$ понимаются традиционно⁴. Нерефлексивное⁵ свойство $\sim$ означает, что $\sim$ не является ни рефлексивным, ни антирефлексивным. Пусть, например, дано множество $S = \{a, b\}$. Пусть на S задано отношение $R = \{(a, a), (a, b)\}$. Тогда R не является рефлексивным отношением на S , так как пара (b, b) не принадлежит R . В то же время, R не является антирефлексивным отношением на S , так как пара $(a, a) \in R$. Отношение R неререфлексивно на S .

Указывая выше на то, что логика $\mathcal{L}_{ill}$ основана на семантических идеях классической логики действий (*STIT*-логики), мы имели в виду частичное совпадение свойств отношений достижимости на их модельных структурах: действительно, для модельных структур *STIT*-логики характерен такой набор свойств отношений достижимости: транзитивность, антисимметричность, антирефлексивность. Частичный порядок на множестве возможных миров, обеспечиваемый этим набором, выражает философскую, онтологическую идею, лежащую в основе классической логики действий:

⁴Антисимметричность: для всех миров x и для всех миров y верно, что если $\sim$ связывает миры x и y , и $\sim$ связывает миры y и x , то $x = y$. Транзитивность: для всех миров x , y и z верно, что если $\sim$ связывает миры x и y , и $\sim$ связывает миры y и z , то $\sim$ связывает миры x и z .

⁵Нерефлексивное отношение в части английской литературы передается как non-reflexive relation, что не следует путать с irreflexive relation; последним словом обозначают антирефлексивное отношение, когда верно, что ни для одного мира не существует отношения, связывающего этот мир с самим собой.

миры — это моменты времени, в каждом из которых перед агентом открываются возможности поступить так или иначе; при этом выбор, который может совершить агент в каждом возможном мире-моменте, отсекает его или ее от текущего мира-момента, перемещая в следующий, и от всех прочих альтернатив, открытых в нем. Отказываясь от антирефлексивности в пользу нерефлексивности, мы получаем в распоряжение частично упорядоченную структуру, где в некоторых мирах допускается существование «петель». Такие миры (распределение которых на структуре произвольно и определяется самим исследователем) нужны нам для того, чтобы иметь возможность задать условия истинности для формул, указывающих на речевые акты различного типа. «Петли» на структурах позволят нам воспроизвести наиболее адекватным образом фрагмент онтологии теории речевых актов Остина–Серла–Вандервекена, касающийся различия между комиссивами и декларативами. Как конкретно это сделано станет ясно из дальнейшего изложения, из пояснений, которые мы дадим к определению 3. На рис. 1 дан пример произвольной модельной структуры $\langle \mathcal{W}, \sim_\alpha \rangle$ ⁶, обладающей указанными свойствами.

Рис. 1. Модельная структура $\langle \mathcal{W}, \sim_\alpha \rangle$

Определение 3. Модель $\mathcal{M}$ образуется на основе модельной структуры $\mathcal{F}$ присоединением к ней функции означивания v , которая ставит в соответствие атомарным пропозициям языка L_{ill} такое множество миров, где эти пропозиции оказываются истинны; условия истинности формул языка L_{ill} в $\mathcal{M}$ задаются следующими правилами:

- (1) $\mathcal{M}, w \models p$ е.т.е. $w \in v(p)$.
- (2) $\mathcal{M}, w \models \neg\phi$ е.т.е. $\mathcal{M}, w \not\models \phi$.

⁶Отношение $\sim_\alpha$ антисимметрично, транзитивно и нерефлексивно.

(3) $\mathcal{M}, w \models \phi \wedge \psi$ е.т.е. $\mathcal{M}, w \models \phi$ и $\mathcal{M}, w \models \psi$.

(4) $\mathcal{M}, w \models [\alpha]^{com}\phi$ е.т.е.: (i) для всех w' , таких, что $w \sim_\alpha w'$ и $w \neq w'$, верно, что $w' \models \phi$; (ii) $w \not\models \phi$.

(5) $\mathcal{M}, w \models [\alpha]^{dec}\phi$ е.т.е.: (i) для всех w' , таких, что $w \sim_\alpha w'$ и $w \neq w'$, верно, что $w' \models \phi$; (ii) для всех w'' , таких, что $w \sim_\alpha w''$, и $w = w''$, верно, что $w'' \models \phi$.

В основание различия между комиссивным и декларативным типами речевых актов, зафиксированного в пунктах 4 и 5 определения 3, положено понятие направления реализации соответствия (direction of fit) между словами, которые произносит говорящий (или просто «словами»), и реальным положением дел («миром»). «Словам» в языке L_{ill} соответствуют агентные формулы $[\alpha]^{com}\phi$, $[\alpha]^{dec}\phi$, $[\beta]^{com}\phi, \dots$, а «миру» — неагентные формулы $\phi, \psi, \dots$. Комиссивные речевые акты имеют направление реализации соответствия от мира к словам: их осуществление связано со стремлением говорящего совершить в дальнейшем определенные действия, которые позволяют считать пропозициональное содержание речевых актов данного типа истинным. Можно сказать, что «мир» стремится измениться таким образом, чтобы соответствовать «словам». Обнаружение соответствия между пропозициональным содержанием комиссивов, «словами», и «миром» как бы отложено во времени, так как касается будущего положения вещей, отсутствующего в настоящем. Вот почему в пункте 4 определения 3 в данном, текущем мире w имеет место $\neg\phi$, а в мире, который связан агентным переходом с текущим, мире w' , напротив, истинной оказывается формула ϕ .

Декларативный речевой акт, в свою очередь, имеет двойное направление реализации соответствия. С одной стороны, посредством осуществления декларатива «мир» изменяется таким образом, чтобы соответствовать «словам». Воспользовавшись снова известными примерами Остина, мы говорим, что осуществление декларатива приводит к тому, что корабль действительно получает имя, а собрание действительно открывается. С другой стороны, пропозициональное содержание декларатива, например ϕ , т. е. неагентная формула, которая находится в области действия агентного оператора $[\alpha]^{dec}$, становится истинной именно благодаря тому, что был осуществлен успешный декларативный речевой акт, выраженный формулой $[\alpha]^{dec}\phi$. Предложения «Корабль наречен именем таким-то» и «Собрание открыто» истинны именно потому, что состоялись, т. е. успешным образом были осуществлены, декларативы, где эти переложения фигурировали в качестве пропозициональных содержаний соответствующих речевых актов. Поэтому в пункте 5 определения 3 агентным отношением связан не только данный, текущий мир w , где осуществляется речевой акт, с миром w' ,

альтернативным w , где оказывается истинным неагентная формула — пропозициональное содержание декларатива, но и данный, текущий мир w — с самим собой, так как мгновенно, в момент осуществления успешного декларатива, пропозициональное содержание этого речевого акта становится истинным.

Рис. 2. Пример выполнения условий истинности для $[\alpha]^{com}\phi$ и $[\alpha]^{dec}\phi$

На рис. 2 дан пример модели, полученной из модельной структуры, представленной на рис. 1. Эта модель иллюстрирует работу формул $[\alpha]^{com}\phi$ и $[\alpha]^{dec}\phi$. Например, в мире w_0 истинна формула $[\alpha]^{com}\phi$, так как, в соответствии с пунктом 4 определения 3, во-первых, во всех мирах, связанных с миром w_0 отношением $\sim_\alpha$ (число которых в данном случае ограничивается миром w_1), истинной оказывается формула ϕ , и, во-вторых, так как в самом мире w_0 истинна ϕ . Напротив, в мире w_1 неверно, что истинна формула $[\alpha]^{com}\phi$, так как в этом мире не выполняется условие ii пункта 4 определения 3, и в мире w_1 имеет место формула ϕ .

Теперь исследуем соотношение комиссивного и декларативного подхода к прощению средствами $\mathcal{L}_{ill}$. На рис. 3 представлена типичная модельная структура, объединяющая пару миров w и w' отношением $\sim_\alpha$, которую мы будем использовать для сравнения работы формул $[\alpha]^{com}\phi$ и $[\alpha]^{dec}\phi$ и которую далее мы будем называть характеристической модельной структурой, а модели, полученные на ее основе, — характеристическими моделями.

Пусть агент α — это агент-жертва, который прощает своих обидчицу или обидчика и осуществляет речевые акты комиссивного и декларативного типа, выражающиеся в предметном языке так, как мы условились считать ранее. Пусть формула ϕ означает предложение «агент-обидчица

Рис. 3. Характеристическая модельная структура для анализа «перформативных» подходов к прощению

Таблица 1

Логические отношения прощения-комиссива и -декларатива в характеристической модели

$\langle w, w' \rangle$	Прощение-комиссив, $[\alpha]^{com}\phi$.	Прощение-декларатив, $[\alpha]^{dec}\phi$.
$\langle \phi, \phi \rangle$	Л	И
$\langle \phi, \neg\phi \rangle$	Л	Л
$\langle \neg\phi, \phi \rangle$	И	Л
$\langle \neg\phi, \neg\phi \rangle$	Л	Л

(обидчик) прощены». Таблица 1 показывает все возможные наборы истинностных значений для формулы ϕ в мирах w и w' модели $\mathcal{M}$, заданной на базе характеристической модельной структуры $\mathcal{F}$, и значение формул $[\alpha]^{com}\phi$ и $[\alpha]^{dec}\phi$ в связи с указанными истинностными значениями.

Таблица 1 показывает, что формулы $[\alpha]^{com}\phi$ и $[\alpha]^{dec}\phi$ не совместимы по истинности; вместе с тем, они оказываются совместимыми по ложности. Отсюда следует, что $[\alpha]^{com}\phi$ и $[\alpha]^{dec}\phi$ противоположны друг другу, что в свою очередь означает, что прощение, в том случае если ассоциировать истинность формул $[\alpha]^{com}\phi$ и $[\alpha]^{dec}\phi$ с успешностью речевых актов комиссивного и декларативного типов соответственно, не может состояться одновременно как комиссив и как декларатив. Данный вывод противоречит гипотезе Warmke, согласно которой для агента сказать «Я тебя прощаю» значит не только связать себя, дающего прощение, разного рода обязательствами, но и совершить такое действие, в результате которого обидчика или обидчик будут считаться прощенными [Warmke, 2016, p. 698]. Речевой акт, объединяющий в себе комиссивную и декларативную иллокутивные силы, не может служить характеристическим примером прощения.

Естественно, что в рамках модели, данной на рис. 3, не составит труда показать, что совместимы по истинности, например, формулы $[\alpha]^{com}\phi$ и $[\alpha]^{dec}\psi$. Пусть формула ψ означает высказывание «агент β , нанесший обиду агенту α , прощен», а формула ϕ означает высказывание «агент α принял на себя обязательство не платить за обиду, нанесенную ему или ей агентом β ,

тем же». Тогда, действительно, прощение, которое α дает β , может иметь одновременно и комиссивное, и декларативное измерения и выражаться, например, формулой $[\alpha]^{com}\phi \wedge [\alpha]^{dec}\psi$.

Это, однако, не доказывает приемлемость гипотезы об эффективности синтетического, комиссивно-декларативного подхода. Напротив, отсюда мы делаем вывод, что авторы различных версий сочетания бегахитивного, комиссивного и декларативного подходов к прощению на самом деле придерживаются антибикомпонентных взглядов на структуру речевого акта, и, следовательно, их работы, в действительности, не принадлежат традиции теории речевых актов вообще. В пользу этого утверждения говорит также и тот факт, что декларативный подход является, по-видимому, лишь содержательной вариацией на юридическую или культовую темы трактовки прощения как помилования, в то время как комиссивный подход в явной форме эксплуатирует идеи финансовой концепции прощения.

Вне зависимости от того, с каким типом или типами иллокутивных актов следует отождествлять прощение, оно, как действие и как социальная практика, обращает на себя внимание и вызывает исследовательский интерес в связи с целым рядом вопросов. Вот их примерный перечень.

- Существует ли разница между отказом прощать и уклонением агента от прощения своих обидчицы или обидчика?
- Как понимать и как моделировать ситуации условного прощения, когда жертва обещает дать или дает прощение на определенных условиях, исполнение которых находится, например, во власти обидчика или во власти третьего лица?
- Существуют ли, и если да, то какие, виды прощения в рамках комиссивного или декларативного подходов и как их описать?
- Как выразить и как интерпретировать прощение агентом себя? Если допустить, что существует некая логика прощения, заключающаяся в инвариантности форм и сочетаний форм речевых действий, отождествляемых с действиями прощения, то будет ли эта логика сохраняться и в этом случае или здесь следует ожидать некой асимметрии процессов?
- Можно ли описать форму таких видов прощения, когда прощение одного вида допускается брать назад, а другого — нет?⁷

⁷Этот вопрос уже ставился несколькими годами раньше, и ответ на него давался неформальными средствами, см. [Scarre, 2016].

Кроме того, в один ряд с этими «содержательными» вопросами о прощении можно поставить и вопросы в большей степени технического характера, вопросы, аналогичные тем, что заданы о действии и агентных, *STIT*-операторах в статье [Belnap, 1991], которые, несмотря на то, что они порождены скорее особенностями использования формально-логического аппарата в отношении анализа языковых феноменов, не делаются от этого менее ценными, а возможные ответы на них — менее значимыми. Например:

- Если дано прощение, выраженное формулой $[\alpha]^{com}(\phi \wedge \psi)$ или формулой $[\alpha]^{dec}(\phi \wedge \psi)$, то может быть так, что одновременно с этим не дано прощения $[\alpha]^{com}\phi$ или $[\alpha]^{dec}\phi$ соответственно?
- Верно ли, что прощение, выраженное формулами $[\alpha]^{com}\phi$ или $[\alpha]^{dec}\phi$, замкнуто относительно *modus ponens*? И т. п.

Наконец, особое значение приобретают вопросы, возникающие из соединения «содержательных» и «технических» вопросов. Так, например, небезынтересно было бы описать такую структуру действия агента-жертвы, когда ответом на нанесенную обиду служит «полупрощение»: прощение в отношении чего-то одного, отказ простить за что-то другое и уклонение от прощения в связи с чем-то третьим⁸.

Если используемые нами формально-логические методы показали свою эффективность тогда, когда потребовалось внести ясность в вопрос о соотношении «перформативных» подходов к прощению, то, возможно, их применение будет оправдано и тогда, когда мы попытаемся ответить на «содержательные» вопросы о прощении и приложим усилия для того, чтобы выяснить, например, разницу между отказом прощать и уклонением от прощения. Мы допускаем, что после этот метод может быть распространен и на остальные вопросы из списка, включая и «технические».

Мы не ставим себе цель дать однозначный ответ на вопрос о том, что такое прощение. Но, подмечая особенности поведения агентов, занятых этой практикой, мы надеемся сделать ряд наблюдений, имеющих отношение к структуре (или форме) не только прощения, но, возможно, и к структурам каких-то других действий, чем-то похожих на прощение.

⁸Структуры прощения переплетаются естественным образом со структурами обид. И то, и другое требует внимания исследователя. В этой статье мы сосредоточимся на структурах прощения, не обусловленных структурой нанесенной обиды. Обида интерпретируется нами холистически и примитивно — как до времени неделимое целое. Заметим также, что подобно тому как созданию многозначных логик предшествовало создание двузначной логики, работам о прощении, где исследуются ситуации «полупрощения» ($\frac{1}{2}$ прощения), должны быть предпосланы работы, затрагивающие вопросы полного прощения, прощения без полутонов.

4. Уклонение от прощения или отказ прощать — решение в духе Белнапа

Пусть два приятеля, Петр и Ольга, поссорились, при этом зачинщиком ссоры и виноватым в ней является Петр, а Ольга выступает в качестве жертвы. Осознав свою вину, Петр просит у Ольги прощения. Ольга, вместо того, чтобы сразу же простить своего приятеля, говорит о том, что ей нужно на это какое-то время. Они перестают общаться и в течение этого периода Петр ждет, что Ольга его наконец простит и они смогут продолжать дружить как раньше.

Петр может расценивать ситуацию, когда Ольга не сообщает ему о том, что он, наконец, прощен, двояким образом. С одной стороны ее молчание может означать, что жертва отказывается прощать обидчика. С другой стороны, это молчание может объясняться ее неготовностью прощать, при том что Ольга не отказывается от идеи простить Петра полностью. В первом случае Петр допускает, что Ольга совершила выбор между тем, чтобы прощать, и тем, чтобы не прощать, в пользу последнего. Во втором случае Петру следует расценивать поведение Ольги как такое, когда она, не делая выбор между тем, простить ей обидчика или нет, намеренно отказывается совершать этот выбор вообще, выбирая, тем не менее, не выбирать, прощать ей Петра или нет.

Случай Петра и Ольги интересен тем, что, несмотря на полное совпадение последствий поведения жертвы (обидчик не прощен, а отношения, испорченные обидой, остаются неисправленными), выбор, который при этом делает Ольга, может быть организован по-разному. Это замечание интересно сразу в нескольких аспектах.

Во-первых, в нем можно обнаружить своего рода вызов логике действий, которая в общем склонна отождествлять действия и их результаты. Следовательно, если мы хотим выразить уклонение от прощения и отказ прощать, с учетом того, что эти действия выглядят, по крайней мере со стороны обидчика, одинаково (т. е. завершаются одним и тем же), то нам необходимо преодолеть эту склонность — естественно на уровне определенных языка, модельных структур и моделей.

Во-вторых, наше замечание имеет теоретическое значение для философской концепции прощения. Его проработка, осуществляющаяся формально-логическими средствами, как мы надеемся, даст ряд наблюдений, не лишенных ценности в контексте философских исследований по этой теме.

В-третьих, указанное замечание имеет прикладное значение. Способность видеть разницу между отказом прощать и уклонением прощать, т. е. знание о том, какова структура выбора, реально сделанного жертвой, или,

по крайней мере, знание о том, что в этом случае следует принять во внимание сам факт существования разных структур выбора, альтернативных друг другу и равно возможных, могло бы помочь обидчику выработать стратегию поведения, направленного на то, чтобы восстановить отношения с жертвой, или, во всяком случае, на то, чтобы не усугубить свое положение и не вызвать своими действиями новую обиду.

Фон Вригт, прорисовывая абрис того, что стало в дальнейшем философским основанием логики действий, задавался вопросом о том, каким образом в рамках будущей дисциплины следовало трактовать воздержание или уклонение от действия. Обмолвившись о том, что уклонение — это тоже «образ действия» (ведь агенты несут ответственность за уклонение от ряда действий, а ответственность полагается именно за действия), фон Вригт в [Вригт, фон, 1986] предложил интерпретировать уклонение в бикомпонентном ключе — как возможность совершить поступок и, сверх того, как факт, свидетельствующий о том, что поступок не был совершен. Тем самым из области действий, в отношении которых было совершено уклонение, исключалось все то, что не принадлежит власти агента, все то, что находится за пределами его «горизонта возможностей». Такая бикомпонентная интерпретация уклонения была, по замечанию самого фон Вригта, все же чрезвычайно широкой, так как не от всего, что агент не делает и может сделать, он воздерживается.

Тогда на помощь философам в 1989 году пришли специалисты в области логики действий. Белнап и Перлофф первые предложили в [Belnap, Perloff, 1989] обозначать уклонение в предметном языке с помощью формулы $[\alpha] \neg [\alpha] \phi$, которую можно прочесть так: агент α делает так, что агент α не совершает такого действия, которое бы привело к положению дел ϕ . Их предложение, которое, конечно, касалось не только синтаксиса предметного языка, и было оформлено в виде ряда соответствующих семантических моделей, хорошо тем, что оно использует минимум ресурсов (суперпозицию агентных операторов и унарный логический союз) и не предполагает того, что исследователь будет обращаться к дополнительным модальным аспектам действия, как это имеет место в случае бикомпонентной трактовки уклонения фон Вригтом, где в анализ включается понятие о том, что агент может и чего он не может.

Мы воспользуемся формулой уклонения для того, чтобы описать разницу между молчанием Ольги, которое интерпретируется Петром или как ее отказ прощать (как выбор не прощать), или как ее нерешительность в вопросе прощения, как уклонение от прощения (когда выбор между прощением и непощением не совершается).

Для этого зададим ряд определений, вместе составляющих ядро базовой логики действий $\mathcal{L}_{act}$, необходимой нам для анализа уклонения и отказа от прощения. Для того чтобы задать язык этой логики, нам достаточно в определении 1 заменить все виды агентных формул на агентную формулу вида $[\alpha]\phi$, единственную, которая нам понадобится для целей настоящего анализа.

Определение 4. Модельная структура $\mathcal{F}_{act}$ базовой логики действий есть упорядоченная двойка $\langle \mathcal{W}, \sim \rangle$, где $\mathcal{W}$ есть множество возможных миров, а $\sim$ есть рефлексивное, симметричное и транзитивное отношение на $\mathcal{W}$ ⁹.

Определение 5. Модель $\mathcal{M}_{act}$ образуется традиционным способом, через присоединение к $\mathcal{F}_{act}$ функции означивания v , которая среди обыкновенных пунктов, описывающих ее работу, имеет следующий пункт:

- $\mathcal{M}_{act}, w \models [\alpha]\phi$ е. т. е. для всех миров w' , таких, что $w \sim_{\alpha} w'$, справедливо, что $w' \models \phi$.

Этих определений достаточно для того, чтобы сконструировать в $\mathcal{L}_{act}$ модели для действий, выраженных формулами $[O]\neg\phi$ и $[O]\neg[O]\phi$ (где «О» — Ольга, а « ϕ » — предложение «Петр прощен») и указывающих на отказ и на уклонение Ольги прощать Петра соответственно.

На модели **a** рис. 4 изображены два класса эквивалентности, сопоставленные с выборами Ольги прощать (класс $[w_0]_o = \{w_0\}$) или не прощать Петра (класс $[w_1]_o = \{w_1, w_2\}$). Выбирая класс $[w_1]_o$, Ольга, тем самым, делает истинной формулу $[O]\neg\phi$. На модели **b** рис. 4 изображены три класса эквивалентности, сопоставленные выборам Ольги простить ($[w_0]_o = \{w_0\}$), не прощать ($[w_1]_o = \{w_1\}$) или — ее выбору уклониться от того, чтобы простить Петра ($[w_2]_o = \{w_2, w_3\}$). В этом последнем случае истинной, относительно каждого мира, входящего в класс $[w_2]_o$, оказывается формула $\neg[O]\phi$, и, следовательно, — формула $[O]\neg[O]\phi$. В мирах w_2 и w_3 ситуации «Петр прощен» и «Петр не прощен» неотличимы друг от друга, так как

⁹Здесь мы обращаемся к упрощенной семантике классической логики действий. В ней отношение частичного порядка на множестве возможных миров заменено отношением эквивалентности. Как оказалось, данного инструмента вполне достаточно для того, чтобы выразить отличия между уклонением прощать и отказом прощать. Следует отметить, что в классической логике действий семантика ветвящегося времени (*BTS*-семантика) и соответствующее ей отношение частичного порядка необходимы в том случае, когда речь идет о так называемом *astit*-операторе, для работы которого временной разрыв, гарантированный антирефлексивностью, между решением о действии и самим действием оказывается существенным. Подробнее об упрощенной семантике и возможностях ее использования см. раздел «The Modal Heart of Choice» в [Bentham, Pacuit 2014].

решения по ним Ольга, уклоняющаяся от того, чтобы прощать и от того, чтобы не прощать, не принимает.

Рис. 4. Ольга отказывается (а) или уклоняется (б) от того, чтобы простить Петра

Использование классических операторов действия, наподобие оператора « $[\alpha]$ » логики $\mathcal{L}_{act}$, в моделях с семантикой, основанных на структурах Крипке (т. е. такой, где отсутствует ветвление на структурах, обеспечивающееся отношением частичного порядка, а работа функции выбора *Choice* классической и упрощенной семантик выполняется отношением эквивалентности, разбивающим множества возможных миров на классы), не показывает структуру выбора Ольги, которая, как это следует из неформальных наблюдений, представлена последовательностью из двух действий, когда каждое из действий последовательности имеет свой специальный предмет. Так, одно из них, второе, касается исключительно решения Ольги о том, прощать ей Петра или нет. Другое, то, которое осуществляется первым, — затрагивает не положение дел в мире, а само решение Ольги в связи с ее возможным выбором как агента. Таким образом, как это видно уже на синтаксическом уровне предложенной Белнапом формулы, в уклонении задействованы разноуровневые выборы. Это отличие никак не фиксируется семантическими средствами логики $\mathcal{L}_{act}$: оба решения (непосредственное и решение о решении) агент принимает как бы мгновенно. Нам необходимы дополнительные инструменты для того, чтобы получить возможность моделировать эти разноуровневые выборы агентов.

5. Агенты, суперагенты, прощение и прочие действия

Избежать смешения уровней принятия решения нам поможет следующая идея. Пусть для всякого агента можно указать множество D , которое мы будем называть областью определения этого агента. Тогда мы можем выделить среди множества агентов классы агентов, в зависимости от содержания их областей определения. В один класс, класс *регулярных* агентов, попадут все те, области определения которых включают в себя неагентные

формулы $\phi, \psi, \dots$. Другой класс составят *суперагенты*, области определения которых включают в себя агентные формулы $[\alpha]\phi, [\alpha]\psi, \dots, [\beta]\phi, \dots$.

Мы допускаем, что пересечение указанных классов не является пустым. В него входит, например, Ольга, жертва обидчика Петра, относительно области определения которой, D_O , мы скажем, что $D_O = \{\phi, \dots, [O]\phi, \dots\}$, где ϕ означает «Петр прощен». Наличие $[O]\phi$ в D_O означает, что Ольга является суперагентом в отношении положения дел ϕ , т. е. она принимает решение о своем решении о том, чтобы простить Петра. Так как $\phi \in D_O$, то Ольга, помимо этого, оказывается и регулярным агентом в отношении положения дел ϕ , т. е. она принимает решение о том, чтобы простить Петра непосредственно, предметно. Таким образом, с учетом сказанного об агентных доменах, перед Ольгой открываются как бы два способа действовать: один — в качестве суперагента, другой — как регулярный агент. Покажем, что действие Ольги, занятой прощением Петра, может быть представлено композицией двух указанных способов. Для этого нам потребуется модифицированная логика действий $\mathcal{L}'_{act}$, язык и определения которой устроены таким образом, что с их помощью мы можем фиксировать действия Ольги-агента/суперагента, т. е. — разные уровни принятия Ольгой решения о прощении Петра.

Определение 6. Язык модифицированной логики действий $\mathcal{L}'_{act}$ содержит следующие выражения (для множества пропозициональных переменных Φ и множества агентов Γ):

$$\phi ::= p \mid \neg\phi \mid \phi \wedge \psi \mid [\alpha]^{re}\phi \mid [\alpha]^{su}\phi, \text{ где } p \in \Phi, \text{ а } \alpha \in \Gamma.$$

Как регулярный агент, Ольга совершает действия, которым в предметном языке логики $\mathcal{L}'_{act}$ соответствуют выражения $[O]^{re}\phi, [O]^{re}\psi, \dots$; как суперагенту, Ольге доступны действия, выраженные в предметном языке формулами $[O]^{su}[O]^{re}\phi, [O]^{su}[O]^{re}\psi, \dots$. Заметим, что, хотя определением 6 и допускаются выражения типа $[\alpha]^{su}\phi$, содержательное толкование суперагента как того, кто принимает решения о решениях и не вторгается непосредственно в области, где действует регулярный агент, предписывает нам, во всяком случае, на данном этапе, этапе анализа случая Ольги и Петра, воздерживаться от использования подобных выражений.

Определение 7. Модельная структура $\mathcal{F}'_{act}$ модифицированной логики действий $\mathcal{L}'_{act}$ есть упорядоченная пятерка элементов $\langle \mathcal{W}, \sim^{su}, \sim^{re}, \approx^{su}, \approx^{re} \rangle$, где отношения $\sim^{su}, \approx^{su}, \sim^{re}$ и $\approx^{re}$ обладают свойствами антирефлексивности, антисимметричности и транзитивности¹⁰.

¹⁰В общем, мы скажем, что во всех случаях использования формально-логических инструментов для прояснения вопросов о прощении — $\mathcal{L}_{ill}, \mathcal{L}_{act}$ и $\mathcal{L}'_{act}$ — выбор свойств

С их помощью устанавливается отношение частичного порядка на $\mathcal{W}$, когда из элементов $\mathcal{W}$ составляются древовидные структуры, не допускающие обратного ветвления и петель. Отношения $\sim^{su}$ и $\approx^{su}$ отвечают за интерпретацию действий суперагента; $\sim^{re}$ и $\approx^{re}$ используются для того, чтобы указать на действия регулярного агента. Если $\sim^{su}$ и $\sim^{re}$ показывают некий, доступный супер- или регулярному агентам, выбор в некотором данном мире, то $\approx^{su}$ и $\approx^{re}$, в этих случаях, указывают на все те переходы, которые являются альтернативными по отношению к данным миру, агентам и их возможным действиям в нем. Другими словами, с помощью набора отношений из $\mathcal{F}'_{act}$ мы будем указывать различные классы эквивалентности, на которые разбиваются миры, доступные суперагенту и регулярному агентам из данного мира.

Определение 8. Модель $\mathcal{M}'_{act}$ модифицированной логики действий $\mathcal{L}'_{act}$ строится аналогично модели $\mathcal{M}$ (см. определение 3), за исключением пунктов 4 и 5, которые, в соответствии с задачами нашего анализа, заменяются следующими пунктами:

- (*) $\mathcal{M}'_{act}, w \models [\alpha]^{re}\phi$ е. т. е. (i) для всех w' , таких, что $w \sim^{re} w'$, верно, что $w' \models \phi$, и (ii) найдется такой w'' , что $w \approx^{re} w''$ и $w'' \not\models \phi$.
- (**) $\mathcal{M}'_{act}, w \models [\alpha]^{su}[\alpha]^{re}\phi$ е. т. е. (i) для всех w' , таких, что $w \sim^{su} w'$, верно, что $w' \models [\alpha]^{re}\phi$, и (ii) найдется такой w'' , что $w \approx^{su} w''$ и $w'' \not\models [\alpha]^{re}\phi$.

Те из читателей, кому известны определения основных агентных формул *STIT*-логики, увидят, что пункты (i) и (ii) определений 8 в целом повторяют соответственно «положительное» и «отрицательное» условия определений истинности для *dstit*-оператора, см. [Horty, Belnap, 1995, р. 592]. Это, однако, не делает возможную «логику прощения», использующую операторы $[\alpha]^{su}$ и $[\alpha]^{re}$ (так, как предлагаем использовать их мы — т. е. с учетом содержательной интерпретации понятия суперагента и соответствующих ей ограничений, накладываемых в синтаксической части $\mathcal{L}'_{act}$, или любым другим способом), изоморфной классической логике действий как формальной, аксиоматизированной теории. Действительно, если для последней верно, что $[\alpha]\phi \rightarrow \phi$, где на месте $[\alpha]$ может быть *cstit*- или *dstit*-оператор, то тот же самый принцип, принцип **T**, очевидно, не выполняется для операторов $[\alpha]^{su}$ и $[\alpha]^{re}$ из-за того, что отношения модельной

отношений достижимости диктовался соответствующими онтологиями. В случае с логикой $\mathcal{L}'_{act}$ мы возвращаемся к анализу, который осуществляется средствами структур частичного порядка, как в классической логике действий. В $\mathcal{L}'_{act}$ мы интерпретируем действие агента как композицию действий супер- и регулярного агентов. Частичный порядок необходим, так как в противном случае мы бы не смогли отличить эти действия: агенты получали бы возможность действовать и как супер-, и как регулярный агенты в каждом возможном мире одновременно.

структуры $\mathcal{F}'_{act}$ лишены свойства рефлексивности. Аналогично обстоит дело и с принципом 4, выполняющимся для *cstit*- и *dstit*-операторов, но не работающим в том случае, когда на их месте появляются операторы, указывающие на действия супер- и регулярного агентов. Используемые нами язык, модельная структура и определения истинности, которые вместе составляют формально-логический инструмент $\mathcal{L}'_{act}$ и которые позволяют нам сформулировать ряд наблюдений, относящихся к форме принятия решения агентом о прощении, являются во многом инструментами *ad hoc*. Об этом их характере свидетельствует оговариваемый на содержательном уровне, но не зафиксированный в определениях запрет на использование формул вида $[\alpha]^{su}\phi$ и $[\alpha]^{re}[\alpha]^{su}$, или — пробел в части содержательной интерпретации формул вида $[\alpha]^{su}[\alpha]^{su}[\alpha]^{re}$. Тем не менее вводимого нами набора определений $\mathcal{L}'_{act}$ оказывается достаточно для того, чтобы выполнить первоочередную задачу — внести ясность в вопрос о различении уклонения от прощения и отказа прощать с помощью понятий супер- и регулярного агента. Как это сделано, может быть видно исходя из рис. 5, на котором представлена модель, основанная на определениях $\mathcal{L}'_{act}$ и описывающая двухуровневую структуру принятия Ольгой решения о прощении Петра. Здесь в мире w_0 истинной оказывается формула $[O]^{su}[O]^{re}\phi$, указывающая на то, что Ольга принимает решение о том, чтобы простить Петра. Причем сначала она принимает решение о том, чтобы рассудить заслуживает ли Петр того, чтобы вопрос о его прощении вообще был поднят. Этому действию соответствует переход из w_0 в w_1 по $\sim_o^{su}$. Затем, после того как это метауровневое решение принято, Ольга рассматривает вопрос о прощении Петра по существу, предметно, и, в соответствии с тем, что показывает наша модель, решает простить его. Этому действию соответствует переход из w_1 в w_3 по $\sim_o^{re}$.

Используя структуру, лежащую в основе модели, данной на рис. 5, можно задавать условия истинности для любых действий Ольги: ее отказа, как регулярного агента, прощать ($[O]^{su}[O]^{re}\neg\phi$) или ее отказа, как суперагента, рассматривать сам вопрос о возможности прощения ($[O]^{su}\neg[O]^{re}\phi$ или $[O]^{su}\neg[O]^{re}\neg\phi$). Тем самым мы фиксируем разные способы принятия Ольгой решения, результатом которых становятся положения дел, неотличимые друг от друга.

Интересно отметить, что в w_2 истинной оказывается не только формула $\neg[O]^{re}\phi$, но и формула $\neg[O]^{re}\neg\phi$. В мире w_2 , который связан с w_0 отношением $\approx_o^{su}$, обеспечивающим альтернативный переход для Ольги-суперагента, таким образом, реализуется ситуация, когда та, как суперагент, принимает решение о том, что решение о прощении Петра Ольгой-регулярным агентом не будет принято. Конъюнкции формул $\neg[O]^{re}\phi$ и $\neg[O]^{re}\neg\phi$, истинной

регулярного агента. Аналогично большинство действуют так, будто такие, метауровневые, решения по множеству вопросов уже, и раз и навсегда, приняты, как, например, решение не убивать, не обманывать или не курить. Будучи принятыми, они позволяют, скажем, бывшему курильщику считать себя действительно *бывшим* — т. е. не курить и, одновременно с этим, не воздерживаться, не уклоняться от курения, так как воздерживается все же тот, кто еще на самом деле не стал бывшим курильщиком¹¹.

Случай с прощением как и случай с убийством или курением, стоят как бы в одном ряду в связи с вопросом об уклонении. Вероятно, все они имеют что-то общее в своей природе, что представляется нам, в свете этого исследования, сходством их структур. Рискнем предположить, что эта общая природа, обеспечивающая подобие в протекании выбора, заключается в нравственном измерении всех этих действий.

6. Заключение

В начале исследования мы обратили внимание на то, что теория речевых актов, о которой авторы бегахитивного, комиссивного и декларативного подходов к прощению обыкновенно говорят как об инструменте исследования, в действительности оказывается скорее не инструментом, а просто набором терминов, в которых удобно оформлять утверждения, касающиеся прощения, полученные при этом средствами других теорий. Это не значит, что содержание указанных подходов не обладает ценностью. Однако оно относится к теории речевых актов исключительно номинально. Таксономия подходов к прощению (в частности — та, что дана в [Hughes, Warmke, 2017] и отражает представление научного сообщества об их месте в корпусе философского знания о прощении), в таком случае, может быть уточнена: эти подходы не являются «перформативными», так как они не эксплуатируют фундаментальные для теории речевых актов определения и используют ее термины только как ярлыки.

Данное замечание о методологической особенности исследований прощения, проводимых в рамках теории речевых актов, не лишает смысла вопрос о соотношении перформативных подходов, в котором заключен источник нашего исследовательского интереса ко всей теме прощения. Но оно затрудняет поиск соответствующего ответа, так как теперь его необходимо начинать с исправления так называемых перформативных подходов.

¹¹Заметим, что понятия агента/суперагента и соответствующая им идея по крайней мере двух уровней принятия решений — может служить важным дополнением к би-компонентной интерпретации уклонения фон Вригта. Так, каждый, приняв некоторое решение как суперагент, теперь может стать тем, кто не совершает некоторое действие в качестве регулярного агента, но, вместе с тем, и не уклоняется от него.

Под исправлением мы пониманием не столько использование формально-логического аппарата, которое само по себе не может, разумеется, рассматриваться как цель, и перенос всей работы на почву аналитических философских исследований, сколько наведение порядка в множестве, в целом небезынтересных (и с теоретической, и с прикладной точек зрения), утверждений о прощении, сделанных авторами комиссивного и декларативного подходов. При помощи логики $\mathcal{L}_{ill}$ мы стали упорядочивать это множество, начав с критического рассмотрения заявлений о возможном синтетическом подходе, подразумевающим взгляд на прощение одновременно как на комиссивный и как на декларативный речевые акты. Методологические исправления, вносимые средствами $\mathcal{L}_{ill}$, заключались в том, что, в отличие от в действительности лишь псевдоперформативных подходов, наш формально-логический аппарат на самом деле основывался на идеях теории речевых актов. Так, в нем выдержано различие между пропозициональным содержанием и иллокутивной силой, а в основу семантических определений для формул, выражающих виды иллокутивных актов, положено понятие направления реализации соответствия, когда «мир» представлен набором неагентных формул, а «слова» — множеством формул, начинающихся с модальности действия. Речевые акты, которые осуществляют агенты, описываются в $\mathcal{L}_{ill}$ как переходы на антисимметричных, транзитивных и нерефлексивных реляционных структурах, устанавливающие специальным образом, в зависимости от типа иллокуции, связи между «миром» и «словами». В результате нам удалось установить, что заявления о допустимости синтетического подхода к прощению, созданному в рамках теории речевых актов, едва ли оправданы, так как невозможно осуществить речевой акт, который бы объединял в своей структуре одновременно комиссивную и декларативную иллокутивные силы. Тем самым мы показали, что множество характеристических примеров прощения, мыслимое в рамках такого синтетического подхода, является, в действительности, пустым.

В конструктивной части исследования мы показали, что использование модифицированного аппарата логики действий проливает свет на форму прощения как действия тогда, когда, например, среди множества содержательных и технических вопросов о прощении мы выбираем тот, который призван установить отличие между случаем отказа прощать и случаем уклонения от прощения, если оба случая выражены молчанием агента-жертвы.

На примере $\mathcal{L}_{act}$ мы показали, что использование классической логики действий белнаповского типа с семантикой, в основе которой лежат обыкновенные реляционные структуры Крипке с отношением эквивалентности

между мирами, и оператором, близким к оператору *dstit*-, позволяет описывать случаи уклонения от действия и отказа действовать как случаи, которые не сводятся друг к другу. Однако в $\mathcal{L}_{act}$ и уклонение, и отказ совершаются как бы мгновенно, а структура принятия решений агентом в этих случаях остается за рамками семантических моделей. Для того чтобы иметь возможность фиксировать уклонение и отказ, прежде всего, как различные процессы принятия агентом решений, мы предложили логику $\mathcal{L}'_{act}$, в основе которой лежит понятие области определения агента или агентного домена. При помощи этого понятия мы выделили в действиях агента разные уровни: уровень действий регулярного агента, производящего изменения на множестве предложений, описывающих положения дел, и уровень действий суперагента, занятого изменением условий истинности исключительно агентных формул. В результате мы показываем, что отказ и уклонение интерпретируются средствами $\mathcal{L}'_{act}$ не просто как разные формулы, которые соответствуют интуиции исследователя и для которых затем подбираются соответствующие семантические модели, как это происходит в случае с $\mathcal{L}_{act}$, а изначально как разные процессы, представленные композициями отношений $\sim^{su}$ и $\sim^{re}$. Установленное таким образом отличие видов «непрощения» помимо логико-теоретического, вероятно, имеет и теоретическое значение для темы прощения и близких понятий извинения и обиды. Знание того, с какой формой отказа прощать столкнулись обидчица или обидчик, дает им возможность корректировать свое поведение, направленное на то, чтобы получить прощение и загладить свою вину перед жертвой, специальным образом и действовать так, чтобы склонить жертву или к принятию решения о прощении (т. е. добиться от жертвы действий как регулярного агента), или к тому, чтобы, по крайности, рассмотреть вопрос о возможности прощения в принципе (когда жертва согласна действовать как суперагент).

Наблюдение, которое мы сделали в отношении структуры прощения, вероятно, может быть распространено на действия вообще, — во всяком случае, на их некоторое специфическое подмножество. Очевидно, что структура прощения, состоящая из серии решений агента, из вложенных действий, в которых первостепенное значение имеют те, что направлены на самого себя (так наз. действия суперагента), может быть обнаружена не только в ситуациях ожидания и дарования прощения, но и в некоторых других. Это могут быть случаи длительных действий, продолжение которых требует регулярно возобновляемого решения. Вероятно, сюда же можно отнести неординарные решения, имеющие в качестве основного ценностное измерение (и прежде всего — этическое).

Как теоретический, так и прикладной потенциал имеет, на наш взгляд, идея областей определения или доменов агентности, позволяющая рассуждать об агентах не безусловно, а в связи с множеством формул, которые входят в соответствующие агентные области. Уже сейчас это открывает возможности теоретико-множественного описания взаимодействия пары агентов, когда каждый из них представлен как набор <суперагент, регулярный агент>, на разных уровнях — уровнях их суперагентов, регулярных агентов, и смешанном. В дальнейшем эти определения могут быть положены в основу специальной логики действия, исследующей феномены прощения, принесения извинения, обиды и других, через описание логических характеристик, форм речевых актов, выражающих эти феномены.

Литература

- Остин, 1999 – *Остин Дж.* Как производить действия при помощи слов // Избранное. М., 1999.
- Вригт, фон, 1986 – *фон Вригт Г.Х.* О логике норм и действий // Логико-философские исследования. М.: Прогресс, 1986. С. 245–289.
- Belnap, 1991 – *Belnap N.* Backwards and Forwards in the Modal Logic of Agency // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1991. Vol. 51, No. 4. P. 777–807.
- Belnap, Perloff, 1989 – *Belnap, N., Perloff, M.* Seeing to it That: A Canonical Form for Agentives // *Theoria*. 1989. Vol. 54. P. 175–199.
- Benthem, Pacuit 2014 – *Benthem van J., Pacuit E.* Connecting Logics of Choice and Change // *Nuel Belnap on Indeterminism and Free Action* / Ed. by T. Müller. Springer, 2014. P. 291–314.
- Downie, 1965 – *Downie S.* Forgiveness // *The Philosophical Quarterly Moral Philosophy Number*). 1965. Vol. 15. No. 59. P. 128–134.
- Haber, 1991 – *Haber J.* Forgiveness: A Philosophical Study. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 1991.
- Horty, 2001 – *Horty J.* Agency and Deontic Logic. Oxford: Oxford University Press, 2001. 192 p.
- Horty, Belnap, 1995 – *John J.F., Belnap N.* The Deliberative Stit: A Study of Action, Omission, Ability, and Obligation // *Journal of Philosophical Logic*. 1995. Vol. 24. No. 6. P. 583–644.
- Hughes, Warmke, 2017 – *Hughes M., Warmke B.* Forgiveness // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2017. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/forgiveness> (дата обращения: 20.06.2020).
- Pettigrove, 2004 – *Pettigrove G.* The Forgiveness We Speak: The Illocutionary Force of Forgiving // *The Southern Journal of Philosophy*. 2004. Vol. XLII. P. 371–392.
- Scarre, 2016 – *Scarre G.* On Taking Back Forgiveness // *Ethic Theory Moral Prac.* 2016. Vol. 19. P. 931–944.
- Searle, 1979 – *Searle J.* Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. New York: Cambridge University Press, 1979.

- Searle, Vanderveken, 1985 – *Searle J., Vanderveken D.* Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge University Press, 1985.
- Troquard, 2016 – *Troquard N.* The Modal View of Agency // 28th European Summer School in Logic, Language and Information, Bolzano-Bozen. 2016. URL: <https://esslli2016.unibz.it/wp-content/uploads/2015/10/003-modal-agency.pdf> (дата обращения: 22.06.2020).
- Vanderveken, 1990 – *Vanderveken D.* Meaning and Speech Acts: Volume 1, Principles of Language Use. Cambridge University Press, 1991.
- Vanderveken, 1991 – *Vanderveken D.* Meaning and Speech Acts: Volume 2, Formal Semantics of Success and Satisfaction. Cambridge University Press, 1991.
- Warmke, 2016 – *Warmke B.* The Normative Significance of Forgiveness // Australasian Journal of Philosophy. 2016. Vol. 94. Vol. 4. P. 687–703.

GLEB V. KARPOV

Forgiveness as a speech act in logic of action

Gleb V. Karpov

Saint-Petersburg State University,

5 Mendeleevskaya Liniya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: glebsight@gmail.com

Abstract: In this paper we study forgiveness as a speech act and as an action associated with a complex decision-making structure. In the first part of the paper, we make several critical remarks regarding the methodology of so-called “performative” approaches to forgiveness. We conclude that the theory of speech acts is not used by the authors of these approaches properly and if it is, then only nominally. We eliminate discovered methodological defects of two “performative” approaches to forgiveness (commissive and directive approaches) with the help of logical machinery, which is based on the semantic ideas of Belnapian logic of actions. We refute the statement of several authors who study forgiveness and practices of pardoning that a synthetic approach to these phenomena, combining the commissive and declarative interpretations of the phrase “I forgive you” is possible.

In the second, constructive part of the article, we examine the possibilities of the classical logic of action concerning the analysis of the difference between cases of refusal to forgive and cases of forgiveness refraining. We show that this question can be solved decently via the logic of action via the usage of language, model structure, and syntactic definitions, designed so that they can grasp the two-level structure of the decision on forgiveness used by the victim. We assume that the form of decision making of this kind is associated not only with forgiveness but also with other similar actions. The former association contributes to the philosophy of forgiveness, while the latter contributes to the applied and theoretical aspects of the logic of action. Finally, we believe that the idea of agent domains that we proposed can be applied in the field of general logic of action in the analysis of problems analogous to the problem of distinguishing between cases of non-pardoning and refraining from doing so.

Keywords: illocutionary force, agent, decision making, refraining, action, action structure

For citation: Karpov G.V. “Proshchenie kak rechevoi akt v logike deistvii” [Forgiveness as a speech act in logic of action], *Logicheskie Issledovaniya / Logical Investigations*, 2020, Vol. 26, No. 2, pp. 9–38. DOI: 10.21146/2074-1472-2020-26-2-9-38 (In Russian)

Acknowledgements. The research is supported by RSF № 20-18-00158 “Formal philosophy of argumentation and a comprehensive methodology for the search and selection of dispute solutions”.

References

Austin, 1999 – Ostin, Dzh. “Kak proizvodit’ dejstviya pri pomoshchi slov” [How to Do Things With Words], in: *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, 1999. (In Russian)

- Belnap, Perloff, 1989 – Belnap, N., Perloff, M. “Seeing to it That: A Canonical Form for Agentives”, *Theoria*, 1989, No. 54, pp. 175–199.
- Belnap, 1991 – Belnap, N. “Backwards and Forwards in the Modal Logic of Agency”, *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 51, No. 4 (Dec., 1991), pp. 777–807.
- Bentham, Pacuit 2014 – Bentham van, J., Pacuit, E. “Connecting Logics of Choice and Change”, in: *Nuel Belnap on Indeterminism and Free Action*, ed. by T. Müller. Springer, 2014, pp. 291–314.
- Downie, 1965 – Downie, S. “Forgiveness”, *The Philosophical Quarterly*, Vol. 15, No. 59, Moral Philosophy Number (Apr., 1965), pp. 128–134.
- Haber, 1991 – Haber, J. *Forgiveness: A Philosophical Study*. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 1991.
- Horty, 2001 – Horty, J. *Agency and Deontic Logic*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 192 p.
- Horty, Belnap, 1995 – John, J. F., Belnap, N. “The Deliberative Stit: A Study of Action, Omission, Ability, and Obligation”, *Journal of Philosophical Logic*, Vol. 24, No. 6 (Dec., 1995), pp. 583–644.
- Hughes, Warmke, 2017 – Hughes M., Warmke B. “Forgiveness”, *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2017. [<https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/forgiveness>, accessed on 20.06.2020]
- Pettigrove, 2004 – Pettigrove, G. “The Forgiveness We Speak: The Illocutionary Force of Forgiving”, *The Southern Journal of Philosophy*, 2004, Vol. XLII. pp. 371–392.
- Searle, 1979 – Searle, J. *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. New York: Cambridge University Press, 1979.
- Searle, Vanderveken, 1985 – Searle, J., Vanderveken, D. *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge University Press, 1985.
- Scarre, 2016 – Scarre, G. “On Taking Back Forgiveness”, *Ethic Theory Moral Prac*, 2016, Vol. 19, pp. 931–944.
- Troquard, 2016 – Troquard, N. “The Modal View of Agency”, *28th European Summer School in Logic, Language and Information, Bolzano-Bozen*. 2016. [<https://esslli2016.unibz.it/wp-content/uploads/2015/10/003-modal-agency.pdf>, accessed on 22.06.2020]
- Vanderveken, 1990 – Vanderveken, D. *Meaning and Speech Acts: Volume 1, Principles of Language Use*. Cambridge University Press, 1991.
- Vanderveken, 1991 – Vanderveken, D. *Meaning and Speech Acts: Volume 2, Formal Semantics of Success and Satisfaction*. Cambridge University Press, 1991.
- Warmke, 2016 – Warmke, B. “The Normative Significance of Forgiveness”, *Australasian Journal of Philosophy*, 2016, Vol. 94, No. 4, pp. 687–703.
- Wright, von, 1986 – von Wright, G.H. “O logike norm i deistvij” [On the Logic of Norms and Actions], in: *Logiko-filosofskie issledovanija* [Logical and Philosophical Papers]. Moscow: Progress, 1986, pp. 245–289. (In Russian)